ЖАНР ИСТОРИЧЕСКОГО РАССКАЗА В СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ПРОЗЕ

Бетуганова Елена Нартшаовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alena.betuganova@yandex.ru

В кабардино-черкесской литературе постсоветского периода исторический жанр претерпел существенные трансформации, связанные с изменениями в социально-политической жизни России. Сейчас возникает потребность в переосмыслении проблем «человек и история», «личность и государство», «человек и власть»; назревает необходимость исследовать жанрово-стилевую динамику современной исторической прозы и таким образом воссоздать целостную картину ее развития. В предлагаемой статье на материале произведений 90-х годов исследованы особенности художественного воплощения исторической проблематики в жанре рассказа; проблема художественного историзма в ее преемственных связях с национально-художественной традицией. Материалом исследования послужили рассказы кабардинских и черкесских авторов (А. Камергоев, Б. Кагермазов, Н. Лукожева, М. Кармоков, Л. Бозиев, Ж. Дауров).

Ключевые слова: гласность, идеология, адыгский фольклор, хроника времени, малые жанры прозы, историзм, поэтика.

Гласность, открывшаяся с середины 80-х годов XX века, дала возможность создать исторически достоверную, подлинно философскую литературу об эпохе и ее людях во всей сложности и противоречивости их судеб и характеров. Причем интерес представляет трактовка данного исторического этапа авторами нового поколения. Рассказ постсоветского периода можно охарактеризовать как качественно новый этап в художественном освоении прошлого, хотя это утверждение не принижает ценности предыдущих этапов, написанных талантливыми авторами.

Одной из отличительных особенностей кабардино-черкесской литературы конца XX века является разнообразие форм использования исторического материала. «Эволюция литературы, как и всякого другого искусства, – писал в свое время еще Вл. Ходасевич, – есть эволюция стилей»¹. Например, в рассказах, описывающих систему тоталитаризма, особую роль сыграл фольклор, обращение к его поэтике, что является показателем творческих поисков писателей в области стиля и жанра. Такого рода рассказы вызывают трудности в определении их жанровой принадлежности, так как исторически конкретное проявляется слабо, а преобладает символическое начало. Тем не менее, они художественными средствами воссоздают атмосферу эпохи, изображают исторический конфликт.

В рассказе «Къаплъэн сэхъуа» – «Избалованный тигр» Б. Кагермазов выстраивает сюжет по схеме жанра сказки. Но это не подражание, а сознательно используемый художественный прием. Образ тигра, готового принести в жертву себе других животных, ассоциируется у автора с культом власти, тяготеющей к абсолютному контролю над обществом. Автор мастерски использует природные

свойства персонажа-животного, которые приводит в соответствии с чертами такой исторической фигуры, как Сталин: «Ущымышыни еплъыт: занщІу къэщІэнт абы и гущІэгъуншагъэр... Абы игу техуэртэкъым уеблэмэ зымащІэкІи уемыдэІуэныр. ЖиІэр хабззу есат»² – «Попробуй его послушаться: сразу почувствуешь его жестокость. Он не принимал малейшего непослушания. Его слово было закон». Очевидна авторская оценка, причем нарочито резкая. Изображение Сталина как персонажа литературных текстов можно встретить у разных авторов. Причем, далеко не всегда такой подход становился творческой удачей. Не дополняясь авторским мировидением, его философской концепцией, образ получался порой декларативным, иллюстративным. Итак, создание новой истории сопровождалось авторскими поисками, писатели прибегали к фольклору, символическим; иногда выстраивалась не подлинная, а мифологизированная история.

В современной прозе исторический рассказ появляется при наличии аналитического взгляда, когда не только описываются, но и осмысляются события прошлого. Отстраняясь от повествования, автор создает свою версию истории. Рассказ Н. Лукожевой «Псэ зэрышх» – «Метания души» – это своеобразная хроника времени, увиденная сквозь призму восприятия автора. В нем отображаются такие периоды исторической эпохи, как Гражданская война, тоталитарный режим, советское время, распад СССР, постсоветское период. Скрепляет все эти исторические промежутки путешествующий во времени Гужоко. В начале пути он видит, как Псыхогуаша выходит из кровавой реки, на берегу которой шайтаны пустились в пляс. Эту картину сменил белый дом, построенный из человеческих черепов, стен, пропитанных запахом пота. На стене дома висел какой-то портрет. Как только люди, собравшиеся около дома, его увидели, стали ему кланяться. После чего взор путешествующего привлёк танец двенадцати душ. Авторское отношение к изображаемому не находит отражения в прямых оценках, анализ семантики и символических смыслов, присущих мифическим божествам дает возможность рассмотреть специфику авторской модели мира.

Революция в рассказе подобна шайтанским пляскам, куда человека вовлекают обманом, вводят его в заблуждение. Автор рассматривает данную историческую эпоху как манипулирование общественным сознанием. Странный белый дом и непрерывно кланяющиеся люди отражают феномен тоталитарного режима, названный исследователями личностью «массового человека, человека массы» – продукта своей эпохи, ставшего объектом манипулирования, утратившего свою индивидуальность.

Исторический рассказ – это жанровое образование, имеющее свою специфику на содержательном уровне. Наиболее его характерными признаками является: актуализация исторического материала, обращение к прошлому как к объекту и субъекту изображения, специфические отношения между фактом и вымыслом, историческими лицами и вымышленными персонажами. По своей жанровой сущности – это всегда обращение к крупным историческим событиям, сыгравшим большую роль в судьбе определенной нации. Это изображение конфликтного, тревожного состояния мира, нарушенной гармонии, драматических, трагических судеб, показ личности на изломе, в момент наивысшего напряжения. Он отличается острой конфликтностью, показом противостояния, столкновением личного и общего, личности и власти. Названные особенности определяют язык произведений на исторические темы, их сюжетно-композиционную организацию. Специфика конфликта в историческом рассказе обусловлена осмыслением конкретно-исторических противоречий.

А. Камергоев рассказывает о страданиях безвинно репрессированных, без суда и следствия: «Лъэхъэнэр бзаджэст. Къоджэрти уцІашырт. Каторгэр хъэзырт. Зыри къоуныцІыртэкъым – цІым и гъунэр унанІэст...»³ – «Время было сложное. Могли прийти и забрать. Каторга была готова. Никто ничего не объяснял –

отправляли на край света». Автор в рассказе «ДошІэ икІи дыбыщІкым» – «Помним и не будем скрывать» тщательно анализирует систему личной власти и всеобщего подавления, создает галерею образов, представляющих систему тоталитарного режима, показывает, что происходило с теми, кто пытался протестовать против чинимого произвола или отстаивать элементарные нормы человеческого достоинства: его арестовывали, отправляли в тюрьмы, расстреливали. Налицо массовый террор периода «ежовщины», осуществляемый властями страны на всей территории СССР на основании «спущенных на места» цифр, вернее, «плановых заданий» по выявлению и наказанию людей, якобы вредивших советской власти (так называемых «врагов народа»). В рассказе нашел отражение апофеоз тоталитарного времени – доноительство, представляющееся в литературе постсоветского периода как специфическое явление. В эти годы была введена печально знаменитая 58-я статья о государственных преступлениях, принятая в 1926 году, которая имела несколько пунктов, где предусматривалось уголовное наказание «за недонесение». «Бзэгур куэдрэт абдежым?.. Жыжбэ занцІэуноІусри, кІагуэжэ закъуэм фІэкІа бгъэдэмылгу Темыржаныр дапхуэтыр – бгъуэмэ, къащтэ – мэбзэхыр!..»⁴ – «Разве долго донести? Как только донесли, в одной старой телогрейке Темиржана забрали – найди, если сможешь – и след его простыл!..». Автор придерживается исторической реальности, пытается отразить мироощущение определенной эпохи.

Осуществление задачи «реконструкции» исторического характера — не только как исторической личности, но и как «частного» человека своей эпохи во многом оставалось делом будущего. Однако подлинное искусство предполагает умение сочетать «течение исторических и частных событий». Обобщенный лик героя определенного исторического этапа начинает приобретать индивидуальные черты в рассказах Кармокова М. «ЖызыІэр текІуадэри гушыІэр къэнащ» – «Правдолюб пострадал – лицемер уцелел», «Дыщэм нэхърэ нэхъ лъапІэ» – «Дороже золота», Л. Бозиева «Партым и унафэкІэ» «По распоряжению партии». «Особое эпическое событие только тогда может достигнуть жизненности, – писал Гегель в «Эстетике», – когда оно способно теснейшим образом слиться с одним индивидом»⁵. К особенностям исторической прозы Л. Бозиева следует отнести четкую структурированность построения произведений: с событиями исторического ряда точно увязываются индивидуальная психология и даже частные эпизоды, так что не ощущается разрыва между личной жизнью героев и историческими событиями.

Писателя привлекает не история как таковая ее преломление в человеческом сознании, сложные и противоречивые реакции героев. В рассказе «Партым и унафэкІэ» – «По распоряжению партии» автор повествует о школьнике Лаше, который стал жертвой осуществляемой в 30-е годы XX в. индустриализации, когда трудовыми ресурсами, необходимыми для выполнения сверхплана, становились юные школьники. Главного героя принудительно отправили на сенокос: он должен был работать с раннего утра до поздней ночи, по плану должен был накосить невыполнимые объемы. За трудовой день ему полагалось всего двести граммов пшеницы. Эти жестокие законы касались и бедных вдов, которые должны были горсточкой кукурузы, полученной за свой каторжный труд, насытить своих детей. Но никто не смел возражать, боясь прослыть врагом народа. Образ врага народа в тоталитарную эпоху рассматривался как инструмент воздействия на массовое сознание, удобным орудием в руках власти для его манипуляции. Запуганные этим зловещим словом, и стар и млад безропотно подчинялись партии. Вот, что пишет Бозиев Л.: «Еплъ мо хъарып гупым. Я сабий быныр шхын шхъэкІэ этелІэу гъэ псом губгъуэм шылэжъа фызхэм махуэ лэжъапщІэу гуэдз Іэбжыгу зырыз къратри къаутІыпщыжаш. Куэдрэ ярымькуні ар абыхэм!»⁶ – «Посмотри на этих бедняжек. Работавшим весь год женщинам за трудовой рабочий день

выплачивали горсть пшеницы. Надолго ли хватит детям?. Никто не смел возражать: сильная власть внушала народу страх. Те, кто был против советской власти, подлежали физическому уничтожению. «Зыгуэр жыпІэнуши, враг народыр уи Іэрыльхьэш»⁷ – «Попробуешь возражать, нарекут врагом народа», – пишет автор. Лаша сопротивляется установленным правилам, его удивляет безмолвие людей, которые беспрекословно выполняют любые указания председателя колхоза. Не выдержав таких физических нагрузок, юный школьник совершил побег, выразив тем самым протест, пусть и незначительный.

В условиях тоталитарного общественного устройства людей рассматривали как винтики, необходимые для формирования единого целого. Отказавшись от своего «я», они растворяются в безличном «мы», потеряв свою яркую, неповторимую индивидуальность. Люди предстают в рассказе как послушная масса, не оказывающая ни индивидуального, ни коллективного сопротивления». Вот как описывает Л. Бозиев группу людей, собравшихся судить школьника, который позволил себе собрать немного дров в лесу: «*Күэд дыдэкІи уемыджэну, колхоз правленэм, пцІантІэм, цІыхухъу гун цызэхэст. Бжыгъэр ирагъэкъун цхъэкІэ зэхуахусагъэнт*»⁸. – «Их было немного мужчин, собравшихся во дворе правления. Скорее, их собрали для количества». Автором демонстрируется вторичность модели человека культуры тоталитарного режима, ценность которой подменена ценностью государства, заинтересованного в человеке верноподданном, «мыслящем категориями службы государству, преданности государю». Условием «конструирования» такого типа человека становится создание нового смысла жизни – служение одной великой цели – общему благу. Такой верноподданный в рассказе – Халид, для которого советская власть была больше чем Бог. Не случайно в произведении много раз повторяются его слова, которые звучат как клятва: «Партри властри згъэпцІауэ сопсэу сэ нобэрей Іуэхум ухуцІезмыгъэгъуэжмэ»⁹ – «Клянусь партией, властью, что ты пожалеешь о сегодняшнем дне». Председатель – трагическая фигура своего времени. Держать людей в страхе и зависимости от себя – главный принцип его руководства. Он стал безликим орудием власти, которая укрепляла свою идеологию с помощью таких слепо верующих и исполняющих указания сверху «халидов», не вникая в их содержание. Автор создает образ человека, несущего в себе главные закономерности эпохи.

В рассказе М. Кармокова «Правдолюб пострадал – лицемер уцелел» – «ЖызыІэр текІуадэри гушыІэр къэнащ» показал специфику тоталитарного сознания. Главный герой рассказа решил выступить с пламенной речью на собрании: «*СІо мы выжъ-жэмыжъ къомыр унагъуэ къэс цхъэхуэ-цхъэхуэу къыцІетлгъэфэкІыр, уэтэр цхъэхуэ зырыз цІыдиІэр*»¹⁰. – «Зачем в каждой семье отдельно разводить скот и почему у каждого должна быть своя отдельная кошара». Автору удалось запечатлеть сознание, ограниченное заданным бытием, утратившее связь со своим внутренним миром, с самим собой. Средством исторической аллегории М. Кармоков в ироничной форме смог отметить одну из наиболее отличительных черт тоталитарной мысли – требование всеобщего равенства. Человек в пространстве антикультуры тоталитарного общества был лишен своей личностной индивидуальности, так как вынужден жить в отведенном ему способе существования». Автор показал новый тип личности «некоего homo totalitarius с особым психическим складом и подавленным личностным началом. Таким человеком не надо управлять, он сам самоуправляется, руководствуясь догмами, которые выдвигает правящий круг. Идеология советского патриотизма того времени, утверждавшая приоритет социалистических ценностей, порождало людей с соответствующим мировоззрением.

Рассказ З. Канкулова «Жэщ псалъэмакъ» – «Ночной разговор» – диалог воскресших мертвых. Кулак Залим, даже после смерти, не может простить

представителю советской власти Исуфу того, что его репрессировали и сослали в Сибирь, только потому, что он разводил пчел. Автор поднимает проблему власти и личности, показывает, как в отношении противников коллективизации принимались жесткие меры: осужденных ждала ссылка в Сибирь. Те сферы, которые власть не может подчинить себе, становились нежелательными и подвергались уничтожению.

Короткие рассказы А. Камергоева уходят своими корнями в культурную память речевых (нарративных) жанров, в частности, анекдота. Его рассказы носят ярко выраженный анекдотический характер. В коротких рассказах А. Камергоева «БатIэ» («Бата»), «Аргуэру кыттекIуаш» – «Опять победил нас» обнаруживаются черты политического анекдота, который впервые был обнаружен в 1918 году. На основе записей анекдотов был выделен сюжет, отражающий время коллективизации и индустриализации. Конститутивные признаки, свойственные рассказу, позволяют его причислить к жанру новеллы-анекдота. Они невелики по объему, просты по композиции, при этом ключевая композиционная роль часто отводится микродиалогу; следует учесть парадоксальное завершение. В рассказе «БатIэ» – «Бата» автор рассказывает смешную историю о жителе села Бате, который отличался своей необычной манерой одеваться: летом любил носить плетеную шляпу, зимой длинное модное пальто. Однажды на грубый жест пастуха-односельчанина, который сорвал с него шляпу, Бата в свойственной анекдотическому жанру форме кратко, остроумно ответил: «Уэлэхьы, си кьуэшъжъ, лыгъэ зепхъэ уигугъэмэ, укьопцIэмэ – пыIэр къэсщтэжрэ згъэкъэбзэжмэ зэфIэкIаш. Ауэ мы узытегужьейкIа мылькур, мэл хъушэшхуэр япэ иту, пщэдей колхозым хэплъхъэмэ, уигу сыкъэгъэкIыж»¹¹. – Олаги, брат, если ты думаешь, что показал мне свою силу, ошибаешься. Я-то подниму шапку и почищу ее. Но если твоё стадо овец, которым ты так дорожишь, завтра отдашь колхозу, вспомни меня). Меткие фразы, вложенные в уста пастуха Баты выражают тонкую иронию по поводу советской действительности.

В рассказе «Пять монет» – «Фэнжеитху» Ж. Даурова скупой глава семейства, получив от друга письмо, что все нажитое им хозяйство, стадо овец, конфискует вместо того, чтобы накормить голодающих детей, обменял овец на монеты, которые со временем обесценились и так никому и негодились. Использование в рассказе жанровых особенностей политического анекдота позволило авторам рассказать о политических стереотипах, свойственных значительной части населения, особенностях восприятия современниками советской власти.

Таким образом, новое наполнение историзма на нынешнем этапе развития общества позволило писателям ощутить остроту художественного зрения: на путях поиска и воплощения исторической правды кабардино-черкесские писатели достигают новой глубины.

Примечания

1. *Ходасевич В.Ф.* Памяти Гоголя // <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/kritika/hodasevich/pamyati-gogolya.htm> (дата обращения 10.04. 2019).
2. *Кагермазов Б.Г.* Очевидец. Стихи, поэмы, миниатюры. Нальчик: Эльбрус, 2006. С. 210.
3. *Камергоев Т.Ж.* Двойник. Новеллы и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 88.
4. Там же.
5. *Гегель.* Лекции по эстетике. Т.3. // <http://esthetiks.ru/category/gegel-lektsii-po-estetike-tom-3/page/4> (дата обращения 10.04. 2019).
6. *Бозий Л.* Гъуэгу нэшэкъашэ: Повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2003. С. 254.
7. Там же.

8. Там же.
9. Там же.
10. Кармоков М.М. Мужские слезы. Повести. Рассказы. Пьесы. Нальчик: Эльбрус, 1991. С.176.
11. Камергоев Т.Ж. Двойник. Новеллы и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 64.

THE GENRE OF HISTORICAL NARRATIVE IN CONTEMPORARY KABARDINO-CHERKESS PROSE

Betuganova Elena Nartshaovna, Candidate of Philology, researcher of the Kabardino-Cherkess literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alena.betuganova@yandex.ru

In the Kabardino-Circassian literature of the post-Soviet period, the historical genre undergoes transformations associated with changes in the socio-political life of Russia. There is a need to rethink the problems of «man and history», "personality and state», «man and power»; there is a need to explore the genre-style dynamics of modern historical prose, thus recreate a holistic picture of its development. In the article on the material of the works of the 90^s the peculiarities of the artistic embodiment of the historical perspective in the genre of the story are investigated; the problem of artistic historicism in its successive relations with the national artistic tradition. The genre-style originality of the historical story of the post-Soviet period is also revealed. The research is based on the stories of Kabardino-Circassian authors (A. Cameroun, B. Kagermanov, N. Lukasheva, M. Karmokov, L. Basiev, J. Dauria).

Keywords: publicity, ideology, national folklore, Stalin, chronicle of time, totalitarian social structure.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-85-90